

УДК 82.09 : 2-1

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ИЗОБРАЖЕНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА И И. А. БУНИНА

М. В. Половнева
Л. П. Соломахина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
polovneva@bsu.edu.ru
solomahina@bsu.edu.ru*

Статья посвящена осмыслению религиозного сознания как важнейшей составляющей русского национального характера, который постоянно находился в центре внимания И.С. Тургенева и И.А. Бунина. Наиболее яркое проявление коренных свойств характера своих соотечественников оба художника видели в русской ментальности, связанной с верой в Бога, религиозными убеждениями, осознанием человеком своего места в этом мире и отношением к уходу из него.

Ключевые слова: религиозность, вера, жизнь, смерть, чувство долга, мотив креста.

Проблема русского национального характера – ключевая в творчестве И. С. Тургенева и И. А. Бунина. И. С. Тургенев с огромным вниманием и интересом относился к духовной жизни русских людей, создавая произведения, насыщенные бытовыми и психологическими характеристиками различных типов, а также пытаясь дать художественно убедительные ответы на вопросы, касающиеся религиозной жизни русского человека. И. А. Бунин во многом был последователем И. С. Тургенева в понимании и объяснении особенностей русского национального характера. При этом, рассматривая специфику его изображения в произведениях «последнего русского классика», Ю. Мальцев отмечает, что художника «интересовал характер русского народа как таковой, его странная загадочность» [1, с. 161]. В подтверждение своей позиции исследователь приводит высказывание самого писателя: «Я должен заметить, что меня интересуют не мужики сами по себе, а души русских людей вообще <...>. Я не стремлюсь описывать деревню в ее пестрой и текущей повседневности. Меня занимает главным образом душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина» [1, с. 161]. На наш взгляд, наиболее яркое проявление национального характера оба писателя видят в русской ментальности, связанной с такими понятиями, как вера, религиозные убеждения, осознание своего предназначения, места в этом мире и отношение к уходу из него. На этих аспектах выражения национального характера в произведениях И. А. Бунина и И. С. Тургенева мы и остановимся в данной статье.

Прежде всего, в рассмотрении специфики русского национального характера привлекает внимание тот налет безразличия к себе в минуты осознания ухода из мира, который отмечал у русского человека И. С. Тургенев. Так, в «Смерти» («Записки охотника») автор последовательно показывает смерть подрядчика Максима, обгоревшего мужика, лыбовшинского мельника, Авенира Сорокоумова и старушки-помещицы. Подрядчик Максим, умирая, торопится дать последние распоряжения, просит прощения у окружающих. И, на первый взгляд, может показаться, что это выражение какой-то внутренней бесчувственности героя. Однако, думается, что это все-таки боязнь человека не успеть завершить свои земные дела. Не случайно его смерть наводит автора на такое размышление: «Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает: холодно и просто» [2, с. 216].

Спокойно, ни о чем не прося и никого не утруждая, молчаливо «ждет смерти» обгоревший в овине мужик, а поведение мельника Василия Дмитрича схоже с действиями подрядчика Максима. Лыбовшинский мельник, надорвавшийся на работе,

только на десятый день обратился к врачу. Однако, узнав о том, что «болен не на шутку», он спешит домой: «<...> домой, коли так плохо. Распорядиться следует, коли так. <...> уж умирать, так дома умирать; а то что ж я здесь умру, – у меня дома и господь знает, что приключится» [2, с. 219]. «<...> нисколько не обманывал себя насчет своей болезни» и Авенир Сорокоумов, он «не вздыхал, не сокрушался, даже ни разу не намекнул на свое положение» [Там же, с. 222], а старушка-помещица «хотела заплатить священнику за свою собственную отходную...» [Там же, с. 224]. Примечательно, что череду пришедших в голову автора примеров вызвала увиденная им «смерть» деревьев. На наш взгляд, такая последовательность (деревья – мужики – помещица) не случайна, она подчеркивает единение, вписанность жизни человека в природный мир и приводит автора к финальному обобщению о русском человеке вообще: «Да, удивительно умирают русские люди!» [Там же, с. 224].

Над тем, почему так спокойно относится русский человек к своему уходу, задумывается и Бунин. Например, в рассказе «Антоновские яблоки» появляется образ старухи, которая живет с постоянным ощущением приближения смерти. Она заранее «купила себе на могилку» «большой камень» и «отличный саван, с ангелами, с крестами» и с молитвой, напечатанной по краям. Готовясь к тому, чтобы покинуть этот мир, она с особым трепетом выбирает все необходимое для похоронного обряда, делая это осознанно, с особым эстетическим чувством. А в рассказе «Худая трава» описание последних месяцев жизни Аверкия («Худая трава из поля вон, – пошутил Аверкий. – А чую – конец. Чую – она» [3: 224].), его предсмертных снов и воспоминаний дается на фоне умирающей осенней природы: «Умирая, высохли и погнили травы». Устав от долгого ожидания, «Аверкий только головой качал, разумея смерть:

– Ну и норовиста! не докличешься» [3: 146].

Важно, что из череды воспоминаний герою удается выделить лишь три эпизода, позволивших ему, с одной стороны, осознать быстротечность жизни и счастья, а с другой – мудро и спокойно принять неизбежность смерти: «<...> он покорно лег на спину, зажав свечу в костлявых пальцах. Сердце его млело, таяло – он плыл в тумане, в предсмертной зыби. Желтый дрожащий свет скользил по его пепельным губам, сквозившим в редких усах, по блестящему острому носу, по большим лиловым яблокам закрытых глаз. Чувствуя чью-то близость, он сделал над собой усилие – хотел что-то сказать и приоткрыл глаза. Но только дрогнуло его лицо. Может, его пугал и беспокоил этот свет, эта черная дрожащая тьма, напоминающая церковь? И старуха, думая, что до конца еще далеко, тихо вынула свечу из рук Аверкия и, дунув на нее, села возле него.

И в тишине, в темноте Аверкию стало легче. Представился ему летний день, летний ветер в зеленых полях, косогор за селом и на нем – его могила... Кто это так звонко и так жутко кричит, причитает над нею? <...> «Ах, это дочь!» – подумал Аверкий с радостью, с нежностью, с затрепетавшей в груди сладкой надеждой на что-то...

Умер он в тихой, темной избе, за окошечком которой смутно белел первый снег, так неслышно, что старуха и не заметила» [3, с. 150]. Как нам кажется, снег, падающий за окошечком темной избы Аверкия, символизирует переход к вечной жизни, «сладкую надежду на что-то». В этом рассказе Бунин смотрит на происходящее с позиции высшего назначения человеческой жизни. Задавая вопрос, зачем жил на свете человек, писатель обращается к обыкновенному герою, который отнесен им к «хорошим, смирным мужикам, много поработавшим» [Там же, с. 131]. Аверкий прожил обычную, ничем не примечательную жизнь, но не утратил душевную тонкость и чуткость к страданиям окружающих его людей: жены, бездомного сторожа, деревенской дурочки. Наблюдая за течением суетной повседневности, герой рассказа открывает необходимые для всех ценности жизни. Именно в глубинах души людей, подобных Аверкию, находил писатель нравственные ориентиры.

Как пишет Ю. Мальцев, «Бунин долго лелеял надежду <...> о возможности некой высшей мудрости, совмещающей в себе обе противоположности: безмятежную

радость бытия и осознание смерти. Вот почему при писании своих крестьянских рассказов он так напряженно старался разгадать тайну спокойного безразличия мужиков к смерти. За этим безразличием ему мерещилась именно высшая мудрость и знание некоей тайны – невольный отголосок народнического преклонения перед «мудростью народа» или скорее все же перед мудростью предков, связь с которыми Бунин искал у крестьян» [1, с. 207]. Именно этой прочной укорененностью русского человека «в древнем народном духе» объясняет исследователь и спокойное отношение к смерти персонажей произведений И. С. Тургенева. Разделяя позицию исследователя, добавим, что, на наш взгляд, такое поведение тургеневских героев обусловлено авторской позицией, философское обобщение которой дано в его повести «Поездка в Полесье», и его религиозным чувством. Заметим также, что ни у Тургенева, ни у Бунина нет религиозности в чистом виде. Она проявляется в чувстве долга и гуманности: «наша жизнь не от нас зависит; но у нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга» [4, с. 234]. В этой связи вполне закономерным является тот факт, что одним из устойчивых мотивов творчества И. С. Тургенева становится мотив креста. Таков жизненный итог княгини Р., Павла Петровича Кирсанова, Евгения Базарова («Отцы и дети»), о значимости «цепей долга» рассуждают Алексей Петрович («Переписка») и Павел Александрович Б. («Фауст»), ищет свой крест Ася («Ася»), обретает его Лиза Калитина («Дворянское гнездо»). Но какой смысл вкладывают в это понятие тургеневские персонажи?

Героиня «Фауста» Вера Николаевна, сама того не ведая, перевернула жизнь Павла Александровича Б.. Именно встреча с ней заставила героя-рассказчика «вынести из опыта последних годов» «одно убеждение», понять, что «жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение... жизнь тяжелый труд. Отречение, отречение постоянное – вот ее тайный смысл, ее разгадка: не исполнение любимых мыслей и мечтаний, как бы они возвышенны ни были, – исполнение долга, вот о чем следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща...» [5, с. 50]. Обретенная Павлом Александровичем истина прямо соотносится со словами эпитафии к повести, взятыми из первой части драматической трагедии Гете «Фауст», «Entbehren sollst du, sollst entbehren»: «Отречься <от своих желаний> должен ты, отречься» [Там же, с. 7], и вызывает скрытую ассоциацию с крестом, являющимся символом самоотречения и жертвы. А вот героиня «Дворянского гнезда» уже осознанно стремится к самоотречению и жертвенности. Свою любовь к Лаврецкому Лиза воспринимает как «урок», данный ей «недаром». Героиня верит в невозможность «разлучить то, что бог соединил», поэтому короткое отклонение от своего пути, по ее мнению, неизбежно влечет за собой наказание: «все кончено – прежде чем началось». Лиза самостоятельно выбирает свой крест (хотя и под воздействием внешних обстоятельств), когда не позволяет себе быть счастливой, так как для этого необходимо переступить через то, что для нее является истиной. «Нам обоим остается исполнить наш долг» [Там же, с. 272], – говорит она Лаврецкому, видя собственный долг в том, чтобы «за всех поклониться», «все отмотить».

Ася, героиня одноименной повести, не просто пытается отыскать свою тропинку в жизненном лабиринте, она надеется «прожить не даром, след за собой оставить», ей хочется «пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг». Пылкая Ася лишена аскетизма Лизы Калитиной, она готова полюбить и полюбила; «крылья у нее выросли», но ей этого мало, надо, чтобы ее возлюбленный непременно указал ей, «куда лететь». И не вина Аси, а скорее ее беда в том, что Н. Н. не только не может помочь ей в выборе дороги, но и сам не способен «на трудный подвиг». Возникший здесь мотив креста как поиска пути получает свое дальнейшее развитие, дополняется и уточняется.

В повести «Ася» и романе «Дворянское гнездо» дается и материальное выражение скрытой ассоциации «долг – крестный удел человека». Так, Н. Н., разыскивающий Асю, видит «что-то белое» на берегу реки: «Я знал это место; там, над могилой человека, утонувшего лет семьдесят тому назад, стоял до половины вросший в землю

каменный крест с старинной надписью» [5, с. 116]. А Гагин отмечает, что Ася порой ведет себя так, будто «покаяние на себя наложила». В комнате Лизы Калитиной (Марфа Тимофеевна называет ее «келейкой») висит распятие, перед которым Лиза «опускается на колени» и «просит совета у бога», принимая решение «идти в монастырь».

Елена Стахова также в трудные минуты жизни в молитвах обращается к богу за помощью, советом, поддержкой: «Я мало молюсь; надо молиться...» [6, с. 80]. Следуя долгу, героиня делает свой выбор: «Все кончено для меня. < ... > Но уже мне нет другой родины, кроме родины Д. < ... > Я не знаю, что со мною будет, но я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни. < ... > Нас судьба соединила недаром: кто знает, может быть, я его убила; теперь его очередь увлечь меня за собою. Я искала счастья – и найду, быть может, смерть. Видно, так следовало; видно, была вина...» [Там же, с. 165].

Итак, для героев И. С. Тургенева крест – это прежде всего служение долгу. В связи с этим заслуживает внимания мысль «старухи Ельцовой» («Фауст») о том, что «надламывать себя не для чего, < ... > надо всего себя переломить или уж не трогать» [5, с. 17]. Тургеневские герои, переломив себя, приходят к кресту как разгадке тайны бытия, к необходимости, подчиняясь чувству долга, безропотно нести свой крест, каким бы тяжелым он ни был, и «уметь молчать», как это умеют делать Лукерья («Живые мощи»), Марья Павловна («Затишье»), Вера Николаевна Приимкова («Фауст»), Яков Пасынков, Софья Николаевна Асанова и Варвара Злотницкая («Яков Пасынков»). Ведь, если дан человеку крест, значит, и будут даны силы нести его. «Думается, что именно от христианства Тургенев воспринял представление о той особой роли, которую страдание может оказать на духовное развитие личности», – пишет Е. М. Коньшев [7, с. 135]. В этой связи заслуживает внимания и мысль Г. Б. Курляндской, которая отмечает: «В мировоззрении Тургенева уже в сороковые годы проявились исконные русские понятия, свойственные христианскому православному сознанию» [8, с. 10 – 11]. И далее: «Для Тургенева способность к религиозному переживанию жизни – своего рода талант, который дается с рождением» [Там же, с. 19]. Рассуждая о религиозности писателя, исследователь обращается к мнению Бориса Зайцева, который удивительно тонко заметил о неверии Тургенева: «<...> свое отсутствие веры он принимал не как знак своего превосходства, а как крест им носимый» [Там же, с. 19]. Естественным, таким образом, выглядит и то, что на протяжении всей своей жизни оба писателя в той или иной мере обращались к религиозному сознанию и вопросам веры.

Печатью религиозного знания и мыслей о «страхе Божьем» отмечены рассуждения желавшего «уклониться от дум и разговора о Боге» [9, с. 35] героя бунинской повести «Деревня» Тихона Ильича: «< ... > дорогой думал, что все равно Бог должен наказать его за то, что он, в суете и хлопотах, только под Светлый день бывает в церкви» [Там же, с. 16]. Интересно, что и тургеневский герой («Смерть» из цикла «Записки охотника»), разбитый упавшим ясенем подрядчик Максим, воспринимает свою смерть как наказание: «Батюшка, – заговорил он едва внятно, – за попом... посылать... прикажите... Господь... меня наказал... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вот... ребят-то не распустил» [2, с. 216].

Проблема веры объединяет и такие произведения, как «Молитва» И. С. Тургенева и «Поруганный Спас» И. А. Бунина.

В центре лирической миниатюры Тургенева размышления героя о том, какая молитва настоящая, ведь «о чем бы ни молился человек – он молится о чуде» [10, с. 197]. Этот постулат выражен в тексте емкой формулой: «Великий боже, сделай, чтобы дважды два – не было четыре!». В ней и сомнение в вере, идущее от пытливости ума, для которого данная формула – полная «бессмыслица», и циничный вызов, и в то же время выражение скрытой авторской идеи, понятной и близкой каждому верующему: «только такая молитва и есть настоящая», «молитва от лица к лицу». В финале

это несомненное для верующего человека положение подвергается очередной проверке рациональным возражением, знаменитым вопросом Понтия Пилата Христу: «Что есть истина?» В легенде вопрос остался без ответа, а в тургеневском тексте звучит неожиданный, на первый взгляд, ответ, который выбивается из заданной в произведении тональности и делает бессмысленными все предыдущие рассуждения: «И потому станем пить и веселиться – и молиться» [10, с. 198]. Что это? Авторская ирония, призыв реализовать форму жизни эпикурейцев, отвергающую принципы религиозного мироощущения: терпение, смирение, исполнение долга. Думается, нет. Не можем мы полностью согласиться и с мнением Л. А. Балыковой, ее трактовкой финальных строк тургеневского текста как попыткой свести «воедино неудобную двойственность», когда «ни доводы рассудка, ни голос интуиции не в силах дать герою прочного основания жизни» [11, с. 97]. Пожалуй, не это имел в виду автор «Молитвы», написавший в одном из своих посланий от 10 (22) июня 1856 г. к графине Е.Е. Ламберт: «не всякий родится афинянином или англичанином, художником или ученым – и религия не всякому дается тотчас» [12, с. 366], следовательно, у каждого свой путь к Богу. И нет противоречия в заключительной фразе: «< ... > станем пить и веселиться – и молиться», а значит, принимать жизнь во всех ее проявлениях, не подвергая себя смертному греху уныния, а главное, жить с верой в чудо и молитвой на устах. И невольно вспоминается героиня другого тургеневского произведения – Лукерья («Живые мощи»). Это полуживое существо, разбитое параличом, умеет радоваться жизни, ее повседневным проявлениям (аромату полевых цветов, запаху цветущей липы, звукам природы, способности размышлять и молиться).

В деревне ее прозывали «Живые мощи», считали, что она «богом убитая» за грехи. Однако содержание тургеневского текста опровергает эти рассуждения, свидетельствует об обратном: героиня уже при жизни обрела святость. Обращают на себя внимание такие штрихи, ставшие ключевыми в трактовке ее образа, как «голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая – ни дать ни взять икона старинного письма» [2, с. 354]; «чудные» сны (видения), в которых она беседует с Христом: ««Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за мною; ты у меня в царстве небесном хоромы водить будешь и песни играть райские»» [Там же, с. 362], с умершими родителями: «так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь» [Там же, с. 362], и даже узнает о времени своего ухода из этого мира: «И смерть моя обернулась ко мне, стала мне выговаривать... < ... > После, мол, петровок...» [Там же, с. 363]; колокольный звон в самый день ее «кончины»: «Смерть пришла-таки за ней... и «после петровок». Рассказывали, что в самый день ее кончины она все слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничным. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а «сверху». Вероятно, она не посмела сказать: с неба» [Там же, с. 365]. В этом контексте, на наш взгляд, может быть переосмыслено и данное ей определение, которое нашло отражение в заглавии произведения. Хотя сама героиня ни в коей мере не относит себя к святым и не видит никаких особенных заслуг в своем долготерпении: «< ... > сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась – ничего; иным еще хуже бывает. < ... > А у иного и пристанища нет! А иной – слепой или глухой! А я, слава богу, вижу прекрасно и все слышу, все. < ... > Нет, что бога гневить? – многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел» [Там же, с. 357]. Она считает свои страдания ничтожными по сравнению с терпением Симеона Столпника и подвигом Иоанны д' Арк и просит за других: «Ничего мне не нужно; всем довольна, слава богу < ... >. Дай бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить – крестьяне здешние бедные – хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас богу помолились... А мне ничего не нужно – всем довольна» [Там же, с. 364]; «Да и

на что я стану господу богу наскучать? О чем я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест – значит, меня он любит. Так нам велено это понимать. Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим – да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!» [2, с. 358]. Бунин так же подчеркивал, что необходимость молитвы не подвергается сомнению крестьянами. Характерно замечание писателя в адрес одного из героев его повести «Деревня»: «Вот Аким молится – и попробуй-ка спросить его, верит ли он в Бога! Из орбит выскочат его ястребиные глаза! Разве он татарин какой!» [9, с. 89].

Проблема веры – ключевая и в рассказе И. А. Бунина «Поруганный Спас». Главную героиню, больную девочку, может излечить только простая черная дощечка, пригодная лишь для того, чтобы «горшки накрывать», явившаяся ей во сне икона Поруганный Спас. Автор прямо не говорит, какую именно икону Спасителя необходимо искать, а указывает лишь на то, что «он совсем маленький, в одну пядь и вроде простой дощечки черной», «поруганный и в большой хуле и бедности, брошен куда-то как попало и уж давно». Это отсутствие прямого авторского указания на конкретное изображение Спаса, как нам кажется, может быть связано с выражением идеи необходимости искренней и глубокой веры.

В рассказе Бунина дощечку эту в результате долгих поисков нашли среди мусора в древней заброшенной часовенке, которая «лет тысячу небось стоит, гниет» и где «бессовестным народом» «делается всякое непотребство». Примечательно, что действие происходит в Ростове Великом, где огромное количество церквей и храмов, которые, тем не менее, не помогают девочке, хотя ее родители не жалеют денег ни на дорогие молебны, ни на столичных лекарей. Видимо, дело не в деньгах... Каноническое, формальное следование традициям вероисповедания – это внешнее, а внутренняя глубокая вера связана с живым чувством. Об этом и тургеневская «Молитва», и финальные строки его же «Деревни»: «И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде и все, чего так добиваемся мы, городские люди?» [10, с. 145]. Дело, оказывается, в искренней вере, которой обладает героиня произведения Бунина: «< ... > ничего не помогает! А девочка все свое твердит: буду здоровая непременно, исцелюсь, мол, обязательно < ... > от Поруганного Спаса. < ... > Главное то, что надо через всякую силу искать и обязательно найти...» [13, с. 341]. Вопреки всему (и доводам рассудка, и жизненным обстоятельствам) она верила в свое излечение и стала здорова. Однако почему именно дощечка? Да к тому же еще с богохульной надписью? В этой связи обращает на себя внимание первая строка бунинского текста «< ... > не всяк бога славит, а бог себя явит», которая раскрывает главный смысл этой удивительной истории. Выражение веры, если оно истинно, не в следовании принятым обрядовым действиям, а во внутренней душевной наполненности. Доказательством этого и является история маленькой героини «Поруганного Спаса», чувство которой христиански первичное, данное свыше, и потому, не отвлеченное, а жизненное. К пониманию этой вечной, но трудно дающейся человеку истины персонажи произведений и И. А. Бунина, и И. С. Тургенева приходят через сомнения, испытания и страдания. Подтверждением сказанного может служить и следующее признание автора «Стихотворений в прозе», написавшего однажды: «... земное все прах и тлен – и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру – имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет – тот ничего не имеет, – и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды» [14, с. 306]. Писатель в очередной раз говорит о своем неверии. Однако, как пишет Г. Б. Курляндская, «атеизм Тургенева никогда не был воинствующим, он скорее был страдающим» [8, с. 10 – 11].

Значимым представляется нам и финал бунинского рассказа «Поруганный Спас», когда умиротворение природы, разлитое в «летние долгие сумерки», соотносится с элегической грустью автора, которому возница бесхитростно и сердечно поведал удивительную историю выздоровления «дочки одного < ... > купца». Авторский

взгляд фиксирует «несказанно прекрасные очертания церквей над сумраком земли, на чуть зеленоватом далеком закатном небе» [13, с. 342]. Крохотная пейзажная зарисовка как бы подготавливает религиозную широту смысла бунинской миниатюры: лишь силы «надземные», благостные – путь к спасению; только Бог дарует физическое и духовное здоровье, благословляет мудростью, наделяет провидческим даром. Своеобразной иллюстрацией данных рассуждений может служить и рассказ И. А. Бунина «Пост», герой которого живет в мире, не утратившем своих нравственных ценностей и культурных традиций. Перед нами отдельный человек, способный к интеллектуальной и эмоциональной рефлексии, который уравнивается со всеми, но при этом не обезличивается, более того, он наделяется особым даром видеть все вокруг и «зорко все замечать» [3, с. 416]. Бунинское произведение пронизано светом, поражает духовной силой героя, его гармонией с миром. Начало рассказа погружает нас в атмосферу первых недель Великого поста. Сюжет незатейлив: герой живет затворником в деревенской усадьбе, работает с утра до вечера и даже не замечает, как прошел день. Однажды он отправляется на прогулку по деревне, посещает церковь, а потом в темноте возвращается домой. На первый взгляд, не происходит ничего особенного, если не считать тех изменений в природе, которые подмечает зоркий взгляд героя-рассказчика. Писатель использует здесь прием синестезии, при котором впечатления от внешнего мира воспроизводятся в совокупности воспринимаемых качеств – формы, цвета, звука, запаха. Пейзажные зарисовки в рассказе «Пост» реалистичны и предельно конкретны. Они поражают умением писателя передать все нюансы переходных изменений природы – самое начало весны. Герой видит «чуть зримую синеву сумерек», «возвышающиеся голые тополи». С красками объединяются в его восприятии звуки и запахи: он слышит, как «полевым, нелюдимым гулом гудят голые тополи», ощущает «сладкий мартовский воздух», запах весенней сырости и свежести, пробегающую по лицу «холодную снежную пыль» или «пахучее церковное тепло». Оживающая природа очищается от зимы, холода, которые ей вредят. С вечно обновляющейся природой связаны и надежды людей, которые также очищаются физически и духовно в период Великого поста. Бунин показывает неразрывную связь встречи весны и семинедельного поста.

Место действия (помещичий дом, усадьба) постепенно расширяется (деревня – выгон), а горизонтальный план в конечной точке прогулки рассказчика переходит в вертикальный: церковь с высоким каменным крыльцом – самое высокое место и в архитектурном, и в духовном смысле.

Рассказ, весь пронизанный лиризмом, как бы рассыпается на составные части, на отдельные фрагменты, где есть картины природы, мысли повествователя, описание незнакомой девушки. Произведение состоит из тридцати семи предложений, и каждое (за исключением двух) представляет собой абзац. Эта фрагментарность текста создает впечатление непосредственного – вслед за героем – восприятия окружающего, отражает мгновенные реакции персонажа, переливы его душевного состояния, где все значимо и важно. Важно, что живописные пейзажные зарисовки, которым автор уделяет особое внимание, составляют не только эмоциональный, но и смысловой стержень рассказа. Обычная вечерняя прогулка после напряженного трудового, наполненного творчеством, дня приводит героя не просто к деревенской церкви, а к «храму» души. Примечательно, что бунинский персонаж во время посещения церкви не обращается к Богу, не произносит никаких молитвенных слов. Он верует по-своему, его сердце наполнено живой любовью к добру, красоте, чистоте, оно живет по законам человеколюбия, милосердия, открытости. Религиозное в рассказе оборачивается не внешней обрядовой стороной: молитвой, служением. Писатель избегает прямых рассуждений о вере, о Боге. Духовное в рассказе предстает как глубоко внутреннее самоопределение человека, который постоянно ощущает себя частичкой целого. Так, встреча с говеющей девушкой во время посещения церкви – самое полное свидетельство единства людей в очищении, единства в сопричастности художника, его таланта и этой девушки

через пост, через Бога. Мысленно герой спрашивает: «От каких грехов очищается она постом, стояниями, своей бледностью?» [3, с. 417]. И сразу вслед за этим, мгновенно, возвращение к себе, попытка понять себя, свои ощущения: «Что за чувства у меня к ней? Дочь она мне? Невеста?» [Там же, с. 418]. Бунинский герой существует одновременно в двух мирах: реальном и вымышленном, который он называет «несуществующим», но который, однако, «не разделен со всем, чем втайне живет его душа» [Там же, с. 418]. Грань между этими мирами почти размыта. День ото дня рассказчик живет своей работой и засыпает «с мыслью о радостях завтрашнего дня – о радостях своих вымыслов» [Там же, с. 418]. Вновь, как и в начале произведения, звучат молитвенные строки: «Ей, Господи, не даждь ми духа праздности, уныния. Больше мне ничего не надо. Все есть у меня, все в мире – мое» [Там же, с. 418]. Свой дар герой воспринимает как дар Божий: «Се тебе, душа моя, вверяет владыка талант: со страхом приими дар» [Там же, с. 416] – и благодарит Господа «за силы, за труд».

Так в рассказе «Пост» христианское «душевное устроение» находит выражение в общей атмосфере произведения, основу которой составили любовь, чистота, свет, упование на милость Божью.

Таким образом, ни И. С. Тургенев, ни И. А. Бунин никогда декларативно не заявляли о своих религиозных чувствах, о вере в Бога. Однако считали, что именно эти чувства составляют основу русского национального характера, определяют специфику ментальности русского человека, коренные свойства его натуры. Оба художника отразили в своем творчестве устоявшуюся к XIX в. тенденцию, согласно которой христианское мировосприятие «оказывается усвоенным сознанием русского человека настолько, что начинает «работать» и на подсознательном уровне» [15, с. 152]. В художественных текстах это воплотилось в осознании персонажами своей греховности, вины, необходимости следовать чувству долга и гуманистическим идеалам.

Список литературы

1. Мальцев Ю. Бунин. – М.: Изд-во «Посев», 1994. – 432 с.
2. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения. – Т. IV. – М.-Л.: Изд-во «Наука», 1963. – 615 с.
3. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. IV. – М.: Изд-во «Худож. лит.», 1966. – 499 с.
4. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения. – Т. VI. – М.-Л.: Изд-во «Наука», 1963. – 616 с.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения. – Т. VII. – М.-Л.: Изд-во «Наука», 1964. – 516 с.
6. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения. – Т. VIII. – М.-Л.: Изд-во «Наука», 1964. – 624 с.
7. Коньшев Е. М. Христианские традиции и их преломление в творчестве Тургенева // Литературная Россия: от древности до современности. – Орел: Изд-во ОГУ, 2001. – С. 134 – 142.
8. Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. – Тула: Гриф и К, 2001. – 230 с.
9. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 томах. – Т. III. – М.: Изд-во «Худож. лит.», 1965. – 503 с.
10. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения. – Т. XIII. – М.-Л.: Изд-во «Наука», 1967. – 736 с.
11. Балькова Л. А. Христианские образы в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева // Литературная Россия: от древности до современности. Сборник научных статей. – Орел: Изд-во ОГУ, 2001. – С. 76 – 103.
12. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма. – Т. II. – М.-Л.: Изд-во «Наука», 1961. – 719 с.
13. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. V. – М., 1966. – 543 с.
14. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма. – Т. IV. – М.-Л.: Изд-во «Наука», 1962. – 734 с.

15. Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе девятнадцатого века // Евангельский текст в русской литературе 18-19 веков. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. – С. 151 – 158.

RELIGIOUS MINDSET IN THE FOCUS OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN I. S. TURGENEV'S AND I. A. BUNIN'S WORKS

M. Polovneva
L. Solomakhina

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

polovneva@bsu.edu.ru
solomakhina@bsu.edu.ru

The problem of Russian national character is one of the central problems raised in the works of I.S. Turgenev and I.A. Bunin. Both of the writers came to the conclusion that the essence of Russian national character lied in Russian mentality with regard to faith in god, religious beliefs, finding your place in life, and attitude to the various aspects of death. The article reveals I.S. Turgenev's and I.A. Bunin's approach to religious mindset as an essential part of Russian national character.

Keywords: religiosity, faith, life, death, sense of duty, leitmotif of a cross.